Ор9Д
Р55

Рифей

УРАЛЬСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
СБОРНИК

1981

Рифей

УРАЛЬСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Южно-Уральское
книжное издательство
Челябинск,
1981

Р. ОВЧИННИКОВ

ВСТРЕЧА В ОРЕНБУРГЕ

Оба они приехали в Оренбург в середине сентября 1833 года, каждый своим путем и ненамного опередив один другого.

Первым прибыл Владимир Иванович Даль, служивший чиновником по особым поручениям у Оренбургского военного губернатора генерал-адъютанта Василия Алексеевича Перовского. Даль возвратился домой и к месту службы, в Оренбург, из утомительной командировки, проделав за месяц путь в 2050 верст, побывав в ходе этой поездки в приуральских казачьих станицах и крепостях вплоть до Гурьева, в Букеевской орде и в селениях степного Заволжья.

18 сентября, ближе к вечеру, у Сакмарских ворот Оренбурга появился экипаж другого путешественника. Осматривая бумаги приезжего, караульный офицер с особенным вниманием перечитал документ на гербовой бумаге с изображенным в правом верхнем углу двуглавым орлом:

«Свидетельство № 2842

Предъявитель сего, состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник Александр Пушкин, по прошению его уволен в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую губернии. Во удостоверение чего и дано сие свидетельство от Департамента хозяйственных и счетных дел с приложением печати.

С.-Петербург. Августа 12 дня 1833 года.

Вице-директор граф Виельгорский.

Начальник отделения Орлов».

Свидетельство скрепляла гербовая печать Департамента, оттиснутая на красном сургуче[1].

Документ вызвал у караульного офицера почтительное изумление. Нет, за казенной бумагой он не разглядел знаменитого поэта Пушкина. Да и не было ничего поэтического в дорожном облике путника: обветренное и заросшее в долгом пути лицо, припорошенная степной пылью мятая поярковая шляпа, вязаный шарф, длиннополая, наглухо застегнутая шинель, грубые сапоги. Офицер изумился другому: ему впервые встретился такой титулярный советник — чиновник невидного, в сущности, 9-го класса по табелю о рангах,— который появился здесь с «высочайшего его императорского величества соизволения» *, как успел возгласить развязный камердинер по имени Гаврила. Не по простому, видно, делу приехал этот Пушкин сюда из столичного Петербурга, проделав путь в две с половиною тысячи верст. Почтение к приезжему еще более возросло, когда тот справился, где может найти господина губернатора. Офицер учтиво сказал, чтобы он соизволил возвратиться по той же дороге немного назад. Там, в версте от Сакмарских ворот, стоит загородная губернаторская дача, где и пребывает теперь генерал Перовский.

Узнав, что Пушкин, «нежданный и нечаянный», приехал в Оренбург и остановился в загородном доме у Перовского, Даль спешно отправился туда, чтобы поскорее увидеть дорогого гостя. Они встретились как старые приятели, хотя познакомились лишь год назад, осенью

---

* Пушкин действительно отправился в отпуск с «высочайшего соизволения»; см. об этом его переписку с Третьим отделением Собственной е. и. в. канцелярии и с Департаментом хозяйственных и счетных дел (Пушкин. Полн. собр. соч. в 17-ти томах, Л., 1948, т. XV. с. 69—70, 71, 208—209).

1832-го, в Петербурге. Даль, опубликовавший тогда «Русские сказки», два или три раза виделся с Пушкиным и получил от него добрый отзыв на первую свою книгу. Вместе с тем, как вспоминал Даль, во время тех встреч «Пушкин, по обыкновению своему, засыпал меня множеством отрывчатых замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на уме вертится и только что с языка не срывается»[2].

И вот теперь это неожиданное свидание в Оренбурге. Даль вспоминал, что, встретившись с Пушкиным на губернаторской даче, «перевез... его оттуда к себе»*. И дома у Даля, и при осмотре Оренбурга, и при поездке в Бердскую слободу Пушкин и Даль говорили о многом. Пушкин посвятил Даля в свои литературные дела и замыслы, поведал, в частности, о намерении завершить работу над тремя начатыми уже романами**, призывал и Даля к созданию романа.

Но главной темой бесед было Пугачевское восстание. И хотя Даль не был старожилом Оренбурга (он поселился здесь в конце июля 1833 года), он успел узнать местные предания о Пугачеве и его времени, причем некоторые были рассказаны участниками и очевидцами восстания. Предания такого рода Даль мог услышать и в поездке по приуральским казачьим станицам в августе-сентябре 1833 года: шестьдесят лет назад именно здесь, в степных хуторах под Яицким городком, Пугачев с группой казаков-заговорщиков готовил вооруженное выступление, отсюда его войско повело наступление на Оренбург, в этих местах весной 1774 года повстанцы потерпели поражение в боях с карателями. Даль мог встретиться здесь и беседовать со стариками, помнившими события восстания и знавшими самого Пугачева; с ними удалось встретиться и Пушкину в его поездке 20—21 сентября 1833 года из Оренбурга в Уральск[3].

Сразу же следует сказать, что познания Пушкина в

* Последних слов («к себе») нет в печатных текстах воспоминаний Даля, но они есть в рукописи воспоминаний, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, что впервые было замечено оренбургским краеведом С. А. Поповым (см. об этом: Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск, 1977, с. 39).

** Один из этих романов — «Капитанская дочка» — вышел в свет в 1836 году.

истории «Пугачевщины» были неизмеримо обширнее и полнее, нежели представления о том Даля. Еще до путешествия на Урал Пушкин изучил эту тему по русской и зарубежной литературе, обстоятельно проштудировал дела из архивов Военного министерства, неопубликованные документы и мемуары ряда фамильных собраний[4]. Более того, в дорожном чемодане поэта лежала вчерне законченная рукопись «История Пугачева». Но, как взыскательный художник и исследователь, Пушкин видел недостаточность и односторонность находившихся в его распоряжении материалов. Литература освещала Пугачевское восстание с официозной позиции, искаженно представляя грандиозное антикрепостническое выступление как бунт темной и необузданной черни, предводительствуемой отъявленным авантюристом и разбойником. Не могли удовлетворить и собранные в Петербурге архивные источники, изображавшие события преимущественно с позиций екатерининской администрации.

Для того, чтобы преодолеть ограниченность источниковой базы «Истории Пугачева», пополнить ее свежим материалом, Пушкин и предпринял поездку в Поволжье и на Урал. Поэт захотел побывать в крае, где зародилось это движение, своими глазами увидеть селения и крепости, через которые прошли отряды Пугачева, осмотреть места сражений. Но главная цель путешествия заключалась в том, чтобы встретиться с жившими здесь престарелыми участниками и очевидцами Пугачевской эпопеи и от них узнать об отношении народа к восстанию и его предводителю.

Пушкин во многом успешно реализовал задачи своего путешествия. Так, после встреч с очевидцами восстания и ознакомления с «пугачевскими» местами в Казани, поэт с удовлетворением сообщал жене: «Здесь я возился со стариками современниками моего героя*, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону» (XV, 78)**. Таких же результатов

* Речь идет о Пугачеве.

** Письмо от 8 сентября 1833 г. Здесь и далее ссылки на сочинения и переписку Пушкина приводятся по так называемому большому академическому Полному собранию сочинений в 17-ти томах (тт. I—XVII. Л., 1937—1959). При отсылках к этому изданию в тексте указываются в круглых скобках том (римская цифра) и страница (арабская цифра).

ждал он и от посещения Оренбурга. Ожидания оправдались во многом благодаря Далю, который взял на себя роль проводника по Оренбургу и его окрестностям. Даль, по его же воспоминаниям, ездил с Пушкиным «в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместии, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город, на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву, на Зауральскую рощу, откуда вор пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи, и о так называемом секретаре Пугачева Сычугове, в то время еще живом, и о бердинских старухах, которые помнят еще «золотые» палаты Пугача, то есть обитую медною латунью избу. Пушкин слушал все это... с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище».

Кроме предания о «кощунственном» поведении Пугачева в церкви Бердской слободы, все другие свидетельства Даля лапидарно скупы; в сущности, они лишь кратко обозначают темы его рассказов Пушкину, не раскрывая их содержания. При чтении воспоминаний Даля всякий раз возникает желание подробнее узнать об упоминаемых им событиях и лицах. К сожалению, обращение к литературе, освещающей пребывание Пушкина в Оренбурге[5], показало, что в имеющихся исследованиях, очерках и статьях существенных пояснений и дополнений к свидетельствам Даля нет; авторы большинства из этих трудов не выходят за пределы данных, которые мы находим у Даля.

Что стоит за ними? Какие неведомые читателю сведения сообщил Пушкину его собеседник? Чтобы ответить

на эти вопросы, надлежало провести широкий исследовательский поиск.

Конечно, рамки реконструкции лишь приближенно соответствуют объему тех сведений, которые сообщил Пушкину Даль. В чем-то — с фактической стороны — они превосходят их, в чем-то уступают...

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Вспоминая о прогулке с Пушкиным по городу, Даль говорит, что он посвятил поэта в «обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым» и, в частности, указал ему «на Георгиевскую колокольню в предместии, куда Пугач поднял было пушку».

Каменная соборная церковь во имя Георгия Победоносца стояла в форштадте, восточном предместье Оренбурга, в двухстах саженях от городовой стены, на краю берегового откоса Урала (до 1775 года река именовалась — Яик). Церковь с высокой колокольней при ней была выстроена в 1756—1761 годах на средства оренбургских казаков [6].

В пятницу 4 октября 1773 года войско Пугачева, оставив лагерь под Сакмарским городком, выступило в поход к Оренбургу, намереваясь штурмовать его с востока. Чтобы повстанцы не могли использовать строения форштадта в качестве укрытия при атаке города, оренбургский губернатор генерал-поручик И. А. Рейнсдорп приказал вывести жителей в город, а сам форштадт сжечь [7]. События того дня красочно изображены в рапорте священника Георгиевской церкви Петра Романова: «По притчине приближавшегося к городу злодея, незапным случаем, по приказу господина губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа, выгнаны были в скором времени все жители из онаго форштата в город, побросав все свое почти имение, почему, наконец, оная слобода и созжена. А церковь осталась без всякой защиты и призрения. А как при оной первенствующим священником бывши Роман Петров (который уже и помер)[8] имел у себя ключи церковные и всю ризницу под своим присмотром, чего для он тогда и принужденным находился вывозить оную в город к Николаю Чудотворцу *, но точно, по прилучив-

* Речь идет о Никольской церкви.

шейся тогда экстре и народнаго вдруг трепетания, всего онаго имения вывести не успел, да и неким тогда было вывести, потому что всякий старался искать спасения — сбежать, друг друга предупреждая, в город, оставя свой екипаж»[9]. 5 октября, к рассвету, пожар истребил форштадт. В тот же день, в одиннадцатом часу утра, пугачевцы вступили в него и, прикрываясь чадящими грудами пожарища, двинулись вперед. Они намеревались овладеть Георгиевской церковью и приблизиться к городовому валу, но были отбиты частыми пушечными выстрелами. После того повстанцы, оставив форштадт, отдалились от города на пять верст, к казачьим лугам, где и остановились лагерем у озера Коровье Стойло. Так освещаются события дня в «Летописи» члена-корреспондента Академии наук П. И. Рычкова, в записках священников И. И. Осипова и И. С. Полянского (IX, 222, 555—556, 590), а также в письме ссыльнопоселенца Ф. И. Сукина[10].

В последующие дни, как сообщает Рычков, повстанцы неоднократно атаковали Оренбург со стороны форштадта и пытались закрепиться вблизи Георгиевской церкви. Так, 9 октября пугачевцы появились здесь, «скопясь великим и едва ли не всем своим людством... имея при себе и пушки» и, вступив в бой с высланной против них командой, вынудили ее к отступлению, после чего сами отошли в свой лагерь. На другой день, в восьмом часу вечера, повстанцы, «подтаща пушку к Егорьевской* церкви, сделали из нее выстрел»; в ответ на это осажденные открыли пушечный и оружейный огонь с городовой стены. В полночь стрельба возобновилась в связи с начавшейся атакой города восставшими. 22 октября оренбургский гарнизон с трудом отбил приступ войска Пугачева к городу, в четвертом часу дня повстанцы вновь приблизились к Георгиевской церкви «и тут начали сильную пальбу из пушек своих производить». Мощный артиллерийский огонь городовых батарей остановил наступление пугачевцев и вынудил их к отступлению в лагерь за Маячной горой (IX, 227, 235—236).

В начале ноября 1773 года восставшим удалось овладеть позицией у Георгиевской церкви, где они выстроили укрепление и установили батарею из нескольких пушек.

---

* Георгиевской.

Повстанцы захватили саму церковь и, по словам Рычкова, «из имевшегося тут под горою тесаного плитного камня, на обоих сторонах сей церкви очень скоро сделали они тут для себя защиту, оставя в ней узкие промежутки, чтоб им пушками своими от городских выстрелов безопасно было действовать» (IX, 241). По свидетельству Осипова, несколько пушек было установлено «на паперти церкви Егорьевской» (IX, 559), а Сукин писал, что пушки были ввезены и в самую церковь, ведя обстрел города «сквозь двери» храма.

2 ноября в шесть часов утра Пугачев повел свои отряды на штурм Оренбурга. Существенную поддержку атакующим оказывал пушечный огонь повстанческих батарей, установленных у кирпичных сараев учебной артиллерийской мишени, часовни загородного кладбища и в других пунктах. Важную роль в этом сражении сыграла батарея у Георгиевской церкви; по воспоминаниям Рычкова, повстанцы «беспрестанно» стреляли в город «мимо летней соборной церкви» (IX, 241). Только благодаря заградительному огню этой батареи была остановлена контратака оренбургских егерей, которые неожиданно вышли со стороны Заяицкой рощи во фланг повстанцам, штурмующим город по берегу Яика (IX, 241, 559, 603—604). Битва, продолжавшаяся более двенадцати часов, к вечеру стала стихать. Пугачевцы не смогли сломить сопротивление оренбургского гарнизона и отошли на прежние позиции. Оставшиеся у Георгиевской церкви повстанцы в наступившее ночное время, «как на соборной церкви били часы, на каждый час делали по выстрелу из пушки, напротив чего из города от соборной батареи то ж чинено». Так вспоминал Рычков.

С утра 3 ноября пушечная канонада возобновилась, но была заметно слабее пальбы предыдущего дня. Активнее других действовала батарея у Георгиевской церкви. Рычков писал, что повстанцы втащили в церковь «две пушки, где заряжая, вытаскивали их в двери и под колокольню на паперть, сперва из обоих, а потом уже из одной начали отсель стрелять в город; а некоторые, взошед на колокольню, стреляли в город свинцовыми жеребьями * и пулями»; из-за наступившей стужи пугачев-

* Кустарно изготовленные из свинцового прута цилиндрические обрубки, применявшиеся взамен фабрично отлитых пуль, обладали в сравнении с последними большей убойной силой.

цы «в самой церкви расклали великий огонь и тут грелись и таким образом из храма божия и святилища его сделали они теперь батарею и вертеп свой разбойничий». (IX, 242).

Сам Пугачев, вспоминая сражение 2 ноября, подчеркивал на следствии то большое значение, которое усматривал в действии пушечной батареи у Георгиевской церкви: своим огнем она поддерживала атаку повстанцев на город в наиболее уязвимом его месте, с юго-восточной береговой линии, не имевшей надежных укреплений [11]. Рассказывая в «Истории Пугачева» о сражении 2 ноября, Пушкин сообщал, что «Пугачев поставил на паперти (Георгиевской церкви)* пушку, а другую велел втащить на колокольню» (IX, 28), причем последняя деталь имела своим источником рассказ Даля: в показаниях очевидцев этот факт не упоминается.

В ночь на 4 ноября 1773 года ударила стужа, бушевавшая метель сменилась к утру сильным снегопадом. По приказу Пугачева его отряды перешли в новый лагерь, вставши на зимние квартиры в Бердской слободе. Туда же перевезли пушки и с батарей у стен Оренбурга, в том числе от Георгиевской церкви.

Церковь, осквернённая, по мнению властей, пребыванием в ней повстанцев, в течение 18 лет находилась в полном запустении. Лишь после того, как в конце 80-х годов XVIII века началась новая застройка форштадта, поселившиеся здесь казаки начали хлопоты о ее возобновлении. 18 июля 1791 года она была освящена торжественным молебном [12].

ПЯТАКИ ВМЕСТО КАРТЕЧИ

Показывая Пушкину Оренбург, Даль рассказал услышанное им с чьих-то слов предание о некоем священнике, высеченном отцом за то, что он бегал собирать пятаки, «коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи».

В какие именно дни пугачевская артиллерия обстреливала городские улицы? В записках очевидцев оренбургской осады Рычкова, Осипова и Полянского упоминается, что 6 октября 1773 года повстанцы, установив

---

* Слова «Георгиевской церкви», имевшиеся в наборной рукописи, вычеркнуты Пушкиным при редактировании.

вблизи Орских ворот пушки, сделали несколько выстрелов по городу ядрами весом от 6 до 7 фунтов, которые «по средине города ложились», и хотя стрельба вскоре прекратилась, но «жители были все в великом и неописанном страхе» (IX, 225, 556, 590). Им же запомнился день 22 октября, когда повстанцы с батарей, установленных против Орских и Сакмарских ворот и у Георгиевской церкви, в течение шести часов вели интенсивный обстрел крепости, причем многие из снарядов ложились посреди города, по дворам и улицам (IX, 235—236, 558, 593). Ссыльнопоселенец Сукин в своем письме сообщил, что в этот день пугачевцы сделали по городу более тысячи пушечных выстрелов. Но особенно сильный артиллерийский обстрел претерпел Оренбург 2 ноября 1773 года при генеральном приступе войска Пугачева.

Использовались ли пугачевскими артиллеристами медные пятаки вместо картечи? Прямых свидетельств об этом ни в документах, ни в мемуарах не найдено. Известно лишь, что повстанцы временами испытывали острый недостаток в картечной «начинке» для оснащения ядер, гранат и бомб. Тот же Рычков, освещая события 2—3 ноября, привел в своей «Летописи» показание пленного пугачевца о том, что, истратив в боях множество снарядов, они вынуждены были искать замену им, «а потому и заготовили... три телеги чугунного черепья, употребя на то имевшиеся у них и увезенные с Менового двора котлы» (IX, 243). Вполне вероятно, что для пробы могли использоваться в тех же целях и медные пятаки; каждый из них имел изрядный вес * и обладал большой убойной силой.

Даль не назвал имени того священника, который, будучи в 1773 году мальчиком, бегал собирать «пугачевские картечины» — пятаки. Сохранилась переписная ведомость церковников Оренбурга за 1774 год. Она указывает, что у протопопа Спасо-Преображенского собора Михаила Дмитриева был 7-летний сын Стефан, а у ключаря того же собора Семиона Михайлова — 9-летний сын Дмитрий; у дьякона Никольской церкви Стефана Матвеева был 5-летний сын Михаил [13]. Кто-то из этих мальчиков, вероятно, и подбирал тогда пятаки, а в последующей жизни не раз вспоминал этот яркий эпизод детства.

---

* Медный пятак чеканки 1773 года весил около 150 граммов.

АТАКА ИЗ ЗАРЕЧНОЙ РОЩИ

С крутого обрыва на правом берегу Урала, где заканчивалась Губернская улица Оренбурга, открывался вид на левобережный пойменный лес, именуемый оренбуржцами Зауральной рощей. Даль вспоминал, как он указывал Пушкину «на Зауральскую рощу», откуда Пугачев «пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны».

Во время осады Оренбурга отрядами Пугачева левобережная полоса Яика с примыкающей к ней Заяицкой рощей являлись как бы ничейной землей. Из Оренбурга на левобережную, «бухарскую» сторону временами выезжали отряды конной разведки, команды фуражиров для вывоза заготовленного тут сена, отправлялись курьеры с донесениями. В этом же районе время от времени появлялись небольшие отряды повстанцев. В ночь на 24 октября 1773 года пугачевцы пытались разрушить наплавной мост через Яик, перерубили канат, отрубили три якоря, сбросили восемь мостовин, но мост устоял[14]. В самом конце октября реку сковал первый лед.

Предпринимали ли повстанцы приступ к Оренбургу со стороны Заяицкой рощи, как говорил о том Даль? О таком эпизоде нет упоминаний ни в записках очевидцев осады, ни в журнале Оренбургской губернской канцелярии, ни в протоколах допросов Пугачева и его сподвижников. Кто-то из оренбуржцев, рассказывая Далю об атаке по льду Яика-реки, истинные обстоятельства события исказил.

В действительности же развивалось оно иным образом. При генеральном приступе к Оренбургу 2 ноября 1773 года пеший отряд, предводительствуемый самим Пугачевым, предпринял наступление на город с юго-востока, со стороны Георгиевской церкви и форштадта. Повстанцы двинулись вдоль подножья правого берега Яика на запад; крутой и почти отвесный береговой обрыв прикрывал их от пушечного и ружейного огня неприятеля. Поравнявшись с пологой лощиной, Пугачев повел отряд наверх, к прибрежной стороне города, где не было оборонительных сооружений. Наверху, у городских кварталов, завязалась пушечная и ружейная пере-

Оренбургская областная библиотека им. Н. К. Крупской

стрелка, вскоре пугачевцы стали теснить неприятеля.

В этот критический момент губернатор Рейнсдорп отправил на левый берег Яика команду егерей с пушкой. Западнее города егери неприметно переправились за реку: часть их перебралась по льду, а часть — на лодках, проломив для них путь в слабом еще льду. Выйдя на берег, егери прокрались по Заяицкой роще, заняли лежащий за старицей остров и оттуда открыли пушечную и ружейную стрельбу по тылу и флангу отряда Пугачева. Повстанцы, оказавшиеся меж неприятельских огней, пришли в смятение и пустились в беспорядочное бегство к форштадту. Некоторые из них, ища спасения, кинулись было за Яик, но неокрепший лед подломился, увлекая беглецов в воду. Большинству пугачевцев, отходивших по берегу, удалось спастись лишь благодаря тому, что их отступление прикрывал огонь повстанческой батареи, установленной у Георгиевской церкви.

Так освещается этот эпизод всеми ранее названными очевидцами. Священник Полянский, ссылаясь на показания пленных, писал, что сам Пугачев едва не погиб в тот день: он провалился под лед и оказался «по пояс в реке Яике в самой худенькой гунишке» *, но подоспевшие яицкие казаки-повстанцы, «подхвативши» его, «на лошадях своих умчали» (IX, 594).

Рассказывая в «Истории Пугачева» о сражении 2 ноября, Пушкин коснулся и эпизода у Яика-реки: «Егери полевой команды выгнали их из предместья. Пугачев едва не попался в плен» (IX, 25). Предание, которое сообщил Даль, он оставил без внимания.

ПУГАЧЕВСКИЙ СЕКРЕТАРЬ СЫЧУГОВ

Знакомя Пушкина с достопримечательностями Оренбурга, Даль рассказал ему «о так называемом секретаре Пугачева Сычугове».

Между тем человека с такой фамилией среди секретарей, служивших у Пугачева, не было. Из протоколов следственных показаний вожаков и рядовых участников Крестьянской войны, из сохранившихся документов повстанческого лагеря известно, что у Пугачева и в его

* Гунишка — одежонка.

Военной коллегии в разное время служили секретарями И. Я. Почиталин, Балтай Идеркеев, Д. Н. Кальминский, М. Д. Горшков, И. Шундеев, И. С. Трофимов (псевдоним — А. И. Дубровский); подвизался в роли секретаря и пленный подпоручик М. А. Шванвич. Судя по сохранившейся переписке повстанцев, Сычугова не было также среди секретарей и писарей в походных канцеляриях пугачевских полковников и атаманов [15].

Фигура Сычугова оставалась загадочной для меня до тех пор, пока в мои руки не попало архивное дело: «По рапорту оренбургского губернатора Сухтелена о назначении пенсии отставному есаулу Сычугову, служившему писарем у Пугачева» *, находящееся среди материалов Инспекторского департамента Военного министерства в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР [16]. Дело открывается рапортом генерал-адъютанта П. П. Сухтелена управляющему Главным штабом и военному министру генерал-адъютанту графу А. И. Чернышеву от 26 ноября 1830 года. Губернатор ходатайствовал о назначении пенсии престарелому казачьему офицеру, отставному полковому есаулу Степану Сычугову, который с 1773 по 1818 год служил в Оренбургском казачьем войске, а с 1819 по 1827 год был винным приставом в Оренбургской уездной управе, ныне же, будучи «в бедности, претерпевает крайнее затруднение в пропитании себя и семейства». В рапорте сообщалось об одном примечательном эпизоде биографии казака: «В числе многих периодов жизни означенного есаула Сычугова замечательно, что он во время бунта Емельки Пугачева, при нападении на Оренбург, будучи взят в плен, находился при самом бунтовщике Пугачеве, исправляя должность писаря. Хотя старость отняла от него уже все способности к занятиям, но он мог еще изложить некоторые сведения, как очевидец означенного происшествия в окрестностях Оренбурга, и представил мне записку, которую для любопытства при сем прилагаю» [17].

К рапорту Сухтелена были приложены документы о Сычугове: аттестат, выданный 25 апреля 1828 года Оренбургским губернским правлением, формулярный список, выданный 26 ноября 1830 года Войсковой канцелярией

---

* На это дело мне указал М. Д. Рабинович.

Оренбургского казачьего войска. Из них явствует, что Степан Васильевич Сычугов происходил из старшинской семьи (родился в 1755 году). Восемнадцатилетним юнцом, в апреле 1773 года, он вступил в казачью службу писарем, с 1782 года — урядник, с 1788-го — хорунжий, с 1789-го — сотник, с 1796-го — поручик, с 1804-го — полковой есаул *. В 1810 году Сычугов оставил строевую службу и в чине коллежского асессора служил в Войсковой канцелярии, а с 1819 по 1827 год был винным приставом по Оренбургскому уезду, после чего вышел в отставку [18]. Сычугов «российскую грамоту — читать и писать — знает», в штрафах и под судом не был, дважды — в 1784—1785 и в 1794—1795 годах — нес кордонную службу на Оренбургской линии, отражая набеги степных кочевников. Документы свидетельствуют, что Сычугов имел в Оренбурге деревянный дом и владел (вместе с женой — «купеческой дочерью Матреной Егоровой») пятью дворовыми людьми [19]. У супругов Сычуговых было многочисленное семейство. Старший сын, Василий, служил хорунжим в казачьем полку [20].

По рапорту Сухтелена и приложенным к нему бумагам, военный министр Чернышев 9 января 1831 года подал Николаю I доклад, в котором выражалось мнение, что, поскольку Сычугов не дослужил четырех месяцев до срока, установленного для получения пенсии, постольку он и не имеет оснований для назначения «казенного пенсиона». Николай I с этим согласился, но распорядился выдать в виде единовременного пособия 800 рублей ассигнациями [21].

Чернышев (как ранее и Сухтелен) сообщал, что к докладу прилагается записка Сычугова о пребывании в стане Пугачева. Естественно, что я предпринял поиски ее в ЦГВИА — в архивных фондах учреждений военного ведомства (коллекции Военно-ученого архива, канцелярии начальника Главного штаба и др.). Но мои разыскания положительного результата не дали.

Учитывая возможность того, что записка Сычугова могла сохраниться среди бумаг Николая I, просмотрел и этот архивный фонд, а также коллекцию рукописей библиотеки Зимнего дворца, находящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР,

* Чин, приравниваемый в то время к капитану в армии.

однако и здесь разыскиваемого документа не оказалось.

И все-таки кое-что о содержании воспоминаний Сычугова удалось узнать из дневника служившего в Оренбурге инженерного прапорщика К. А. Буха (1812—1895); этот неопубликованный его дневник хранится ныне в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В дневниковой записи от 5 августа 1835 года Бух сообщал о беседе с 80-летним Сычуговым, отставным казачьим майором, живущим в Оренбурге. Он рассказывал, что «Пугачев осадил Оренбург 27 сентября 1773 года. Три дня спустя губернатор Рейнсдорп, учитывая недостаток фуража в осажденном городе, послал отряд, поручив ему вывезти из окрестностей города заготовленное там сено. В числе посланных был и 17-летний Сычугов. Отойдя три-четыре версты от Оренбурга, отряд остановился в лугах. Узнав о выходе отряда фуражиров из города, Пугачев отправил на их перехват свою конницу. Она переправилась через реку выше города, обошла фуражиров степью и замкнула их окружением, выйдя западнее к Яику. Некоторые из фуражиров пытались пробиться, но пугачевцы, открыв стрельбу из пушек, вынудили весь отряд фуражиров к капитуляции. Всех пленных, в числе которых был и Сычугов, отвели в Берду, штаб-квартиру Пугачева. Сычугов прибавил далее, что во время налета повстанцев на оренбургских фуражиров, некоторые из последних, главным образом молодые казаки, а в их числе и он, Сычугов, пытались спрятаться от поимки под телегами, но все были схвачены. Рассказывая обо всем этом, бедный старик плакал. Он не мог ничего больше добавить к своему рассказу, кроме того, что Пугачев жил в Берде без какого-либо великолепия, он казнил всех офицеров и чиновников, которые не смогли от него скрыться»[22]. По каким-то причинам Сычугов о своей службе писарем в ставке Пугачева не рассказал собеседнику ничего.

К записанному Бухом рассказу необходимо сделать уточнения, которые касаются обстоятельств нападения повстанцев на фуражиров. Сычугов отнес это событие к 30 сентября 1773 года, что не соответствует действительности, ибо Пугачев осадил Оренбург лишь 5 октября того же года. Когда же на самом деле происходила фуражировка, о которой говорил Сычугов? По сходству обстоятельств с записками очевидцев видно, что было то

18 октября, когда городская команда фуражиров потеряла до трехсот человек пленными и убитыми (IX, 231—232).

Оказавшись в лагере восставших, Сычугов — как человек, знающий грамоту — был определен писарем (а может и рядовым писцом) либо в один из повстанческих полков, либо в Военную коллегию Пугачева. В связи с последним предположением следует указать на один из фактов, приведенных в протоколе показаний пугачевского полковника А. Т. Соколова-Хлопуши. На допросе он сообщил, что 23 марта 1774 года, когда в Бердской слободе стало известно о поражении отрядов Пугачева в происшедшей накануне битве у Татищевой крепости, он, Хлопуша, отправился в Военную коллегию, чтобы осведомиться о случившемся и получить распоряжения, но «пришед в дежурную, нашел одного писаря Васильева, который ему сказал: «Что вам за нужда? Знал бы де ты свое дело и лежал на месте»[23]. Как знать, не был ли этот неучтивый писарь Степаном Васильевичем Сычуговым, которого Хлопуша назвал не по фамилии, а по отчеству (Васильев), что, как известно, в обиходе того времени бытовало.

Сычугов возвратился в Оренбург в начале апреля 1774 года — несколько дней спустя после поражения войска Пугачева под Сакмарским городком. Как человек, невольно оказавшийся в рядах восставших, он не подвергся, видимо, репрессиям и сразу же возобновил службу в казачьем войске. Его «пугачевское прошлое» было предано забвению, Сычугов со временем сделал неплохую офицерскую карьеру и «по выслуге» вышел даже в ряды потомственного дворянства.

Судя по воспоминаниям Даля, Пушкин с Сычуговым не встречался.

СЛЕДЫ ПУГАЧЕВСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ ПОД ОРЕНБУРГОМ

В своих воспоминаниях Даль говорит о том, что в поездке из Оренбурга в Бердскую слободу указывал Пушкину на «остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву».

Северо-восточное и восточное предместья Оренбурга это тот район, где происходили основные столкновения

между войсками осажденного города и отрядами Пугачева. Очевидцы отмечают, что уже в первые недели осады, в октябре 1773 года, повстанцы стали подвозить сюда пушки и устанавливать в версте и полуверсте от города временные батареи, укрывая их за пригорками, строениями и наспех сооруженными земляными насыпями (IX, 225, 229, 235, 556, 557, 590). В конце октября, готовясь к генеральному приступу, Пугачев приказал выстроить артиллерийские позиции для трех крупных батарей. Сооружения были завершены к ночи на 2 ноября, а на рассвете Пугачев повел свои отряды на штурм. О постройке этих артиллерийских укреплений вспомнил на допросе оренбургский казачий сотник Т. И. Падуров, служивший полковником в войске восставших. Пугачев, по его словам, «приказал близ города, разстоянием так, как бы с версту, на названной Маяшной горе, зделать шанцы, которые пехотными солдатами и зделаны были, и в тех шанцах поставлены были пушки, коих тут, а равно и вокруг города на батареях было с тридцать» [24].

Свидетельства очевидцев и топографические планы Оренбурга 1770-х годов позволили установить точное местоположение главных пугачевских батарей, которые своим огнем поддерживали штурм 2 ноября 1773 года.

Первая батарея была установлена в полуверсте от города, к северу от Сакмарских ворот, вблизи кирпичных сараев, находившихся в подножье горного отрога — «увала». Местоположение кирпичных сараев указано на плане Оренбурга и его окрестностей 1775 года [25].

Вторая батарея располагалась у загородного кладбища «позадь часовни, где убожий дом» (то есть богадельня для престарелых). В одном из документов Оренбургской губернской канцелярии упоминается крестьянин И. Тамишкин; он принадлежал к повстанцам, которые находились «в земляной работе против самого города, на горе у часовни, для постановления их воровских батарей» [26]. Загородное кладбище с часовней находилось в 400 саженях как от Сакмарских, так и от Орских ворот, что видно на том же плане Оренбурга [27].

Южнее кладбища пугачевцы установили третью батарею. Она была в версте с небольшим от города, прямо против Орских ворот, а точнее, как указывает Рычков,— у артиллерийской мишени, которую соорудили задолго до восстания; она сделана была «из дерну нарочитой

вышины и толщины, для обучения артиллерийских служителей к стрелянию в цель». Учитывая возможность укрытия своей батареи за этим строением, повстанцы в дополнение к нему в ночь на 2 ноября пристроили «с обеих сторон небольшие валы, оставя тут для пушек малые промежутки», откуда во время сражения «начали частую и сильную пушечную пальбу производить по городу» (IX, 240). Пекарский, служивший сержантом в Оренбурге, вспоминает, что пугачевская батарея, находившаяся у мишени «противу пушечного двора», сосредоточила огонь по этому двору, стреляя из единорогов «чиненными ядрами» (начиненными зажигательной смесью), стараясь зажечь строения и пороховой погреб.

Как сообщает Пекарский, руководство строительством артиллерийских позиций для батарей поручено было Пугачевым «капралу Оренбургского артиллерийского гарнизона Калмыкову» (IX, 604). Во время следствия капрал, по понятным причинам, обошел этот факт молчанием [28].

При поездке из Оренбурга в Бердскую станицу Даль, надо полагать, указывал Пушкину на следы артиллерийских позиций Пугачева, находившихся невдалеке от дороги: на месте первой батареи (у кирпичных сараев) и второй (у загородного кладбища, за часовней и «убожим домом»).

ЧТО СТОИТ ЗА «АНЕКДОТОМ»?

Даль вспоминал как по пути из Оренбурга в Бердскую станицу он сообщал Пушкину предания о фактах, относящихся к пребыванию Пугачева в Берде. Пушкин слушал их «с большим жаром» и притом «хохотал следующему анекдоту...» Впрочем, это место процитировано ранее.

Предание это устойчиво бытовало в Оренбурге и в последующие годы. Известный путешественник А. И. Макшеев, служивший в 1847—1853 годах старшим адъютантом штаба Отдельного Оренбургского корпуса, в заметке, напечатанной в 1870 году, сообщал: «В Оренбурге в конце 1849 года я слышал от престарелого помещика Скрябина *... следующий рассказ: Пугачев при

* То был, видимо, Афанасий Григорьевич Скрябин, который в 1833 г. занимал пост плац-майора в Оренбурге.

вступлении в Берду был встречен колокольным звоном. Священник вышел к нему в облачении с крестом. Пугачев с благоговением приложился к кресту и вошел в церковь. Царские двери в алтарь были растворены. Пугачев прямо вошел в алтарь, сел на престол, подбоченился и сказал: «Давно я не сидел на престоле!»[29]

Соответствует ли действительности этот «анекдот», дискредитирующий Пугачева со стороны религиозной? Имеются ли в свидетельствах современников восстания и в документах той поры какие-либо упоминания о приписываемом Пугачеву поведении в церкви Бердской слободы?

Обратимся к источникам. Священником в церкви Рождества Богородицы * был Алексей Васильев. Летом 1773 года он жаловался Оренбургскому духовному правлению на равнодушие прихожан: как в обычное время, так и воскресные и праздничные дни, церковные службы проходили при почти пустом храме, и все это «за нерачением легкомысленных казаков»[30]. В конце сентября, при первых слухах о приближении войска Пугачева, отец Алексей бежал из слободы в Оренбург.

Обосновавшись 4 ноября 1773 года в Бердской слободе, Пугачев определил на вакантные места в штат местной церкви оказавшихся в его лагере церковников: священником — Филиппа Гаврилова (священника из села Гасвицкого), дьяконом — Алексея Сергеева (дьячка из Сорочинской крепости); в торжественных службах по праздничным дням участвовали иногда Степан Семенов (священник из Татищевой крепости) и Иван Федоров (священник из села Стайкина под Бузулукской крепостью). Все они весной 1774 года были арестованы карателями, привлечены к дознанию, после чего подверглись церковному покаянию и были понижены в должности (священники — лишены священства и переведены в дьячки). В сохранившихся протоколах показаний этих священнослужителей[31] нет каких-либо сведений о предосудительном поведении Пугачева в церкви Бердской слободы. Филипп Гаврилов говорил на допросе, что Пугачев был в церкви всего один раз «декабря 6-го числа, то есть в праздник Николая Чудотворца», и

---

* Церковь деревянная, была выстроена в 1756 г., сгорела «от поджога» в 1789 г.

добавлял, что служба в этой церкви велась «не по раскольническому обряду», а по канонам официальной церкви, «по церковному чиноположению», и поэтому яицкие казаки-повстанцы, «будучи все раскольники, в церковь не хаживали» [32]. Упоминаний о том, что Пугачев садился на царский престол в алтаре, мы не находим ни в показаниях пленных повстанцев, ни в свидетельствах перебежчиков из бердского лагеря.

Осенью 1774 года Оренбургское духовное правление собирало от подведомственных церквей сведения о причиненных им «поруганиях, грабительствах», а также об умерщвлении священнослужителей. Из церкви Бердской слободы сведений такого рода не поступило. В январе 1775 года Сенат обнародовал «Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцем и бунтовщиком Емелькою Пугачевым и его ...сообщниками осквернено и разграблено божиих храмов...» В их числе названы и тринадцать находившихся в Оренбургской губернии, в которых повстанцы «оклады с икон и всю утварь церковную грабили» (IX, 118). Церковь Бердской слободы не упомянута и тут. Значит, ни сам Пугачев, ни его сторонники никаких предосудительных поступков в ней не совершали.

Задолго до опубликования сенатского «Описания» вопросом о поругании церкви повстанцами, а особенно самим Пугачевым, занималась Оренбургская секретная комиссия. Спрошенный ею Иван Яковлевич Почиталин, первый любимец Пугачева и думный дьяк его Военной коллегии, ответил: «Чтоб Пугачев в церкве на престоле садился,— того я никогда не видал, кроме как в последний раз, при приступе к городу Оренбургу, в стоящую недалеко от города, в бывшем форштате, Егорьевскую церковь взвозил пушки, и оттуда палили в город, для того, что сие место казалось других способнее» [33].

С чьих-то слов знал «анекдот» подпоручик Михаил Александрович Шванвич, который был взят в плен повстанцами 6 ноября 1773 года. Потом он говорил следователям: «Слышал же и сие в толпе злодея, что, когда оренбургский форштат был выжжен, то спустя несколько время, блиско города Оренбурга, в церкви Георгия Победоносца, Пугачев, при собрании своих разбойников, садился на престол и плакал, говоря притом: «Вот, детушки! Уже я не сиживал на престоле двена-

дцать лет». Чему многия толпы его поверили, а другия оскорбились и разсуждали так: естли б и подлинно он был царь, то непригоже сидеть ему в церкве на престоле» [34].

Как в этом свидетельстве, так и в других показаниях на допросе, Шванвич стремился приуменьшить свою роль в лагере восставших и выказать отрицательное отношение к Пугачеву. Но будем придерживаться истины. Эпизод в Георгиевской церкви случился тогда, когда Пугачеву было не до такого рода речей. В тот день шел штурм Оренбурга, и сам Пугачев едва не погиб в бою. К тому же он хорошо знал, что такое царский престол в церкви, и если даже случайно присел на него, так в тот момент Георгиевская церковь была уже не «божиим храмом» и не «святилищем», а артиллерийским блокгаузом, подвергаемым интенсивному пушечному обстрелу из Оренбурга, со стороны осажденных «ревнителей благочестия».

Надо полагать, что показание об эпизоде в Георгиевской церкви, взятое к тому же в сомнительной версии Шванвича, и явилось той почвой, на которой родился пресловутый «анекдот» о Пугачеве.

Пересказанный Далем, он не был использован Пушкиным в «Истории Пугачева». Освещая в третьей главе пребывание Пугачева в Бердской слободе, автор лишь кратко отметил, что «Пугачев, будучи раскольником *, в церковь никогда не ходил» (IX, 26). Как справедливо полагает Н. В. Измайлов, «анекдот» был отвергнут по той причине, что высокомерно тенденциозно подчеркивал полное невежество Пугачева, а это не соответствовало действительности и шло вразрез с представлениями Пушкина о предводителе народного движения.

ВСТРЕЧА И БЕСЕДА С ИРИНОЙ БУНТОВОЙ

Утром 19 сентября 1833 года Даль отправился с Пушкиным из Оренбурга в Бердскую станицу, бывшую столицу Пугачева. «Я взял с собою ружье,— вспоминал

* Пугачева убежденным раскольником считать нельзя; он был человеком, равнодушным к вопросам веры, но, учитывая реальные обстоятельства, охотно использовал поддержку со стороны старообрядцев и служителей официальной церкви.

Даль,— и с нами было еще человека два ** охотников».

Дорога оказалась недальней — каких-то шесть или семь верст от города. С северо-восточного склона Маячной горы путникам открылась панорама «мятежной слободы», раскинувшейся на берегу Сакмары-реки. Здесь с ноября 1773 по март 1774 года располагалась ставка Пугачева, здесь был тогда главный лагерь повстанческого войска. Отсюда водил Пугачев свои отряды на приступы к осажденному Оренбургу, а его атаманы отправлялись в дальние походы к Уфе и Самаре, Челябинску и Гурьеву, Кунгуру и Казани. В Бердской слободе действовала Военная коллегия, отсюда рассылались манифесты, сулившие трудовому народу волю и землю. В те времена пугачевская столица — Берда насчитывала всего лишь до сотни дворов. Защищенная с запада рекой Сакмарой, а с юга, со стороны Оренбурга, огромным буераком, она обнесена была еще обветшалым бревенчатым тыном и рогатками; на углах крепостцы и в проезжих ее воротах стояли пушки [35]. К 1833 году тут произошли перемены: число казачьих дворов выросло почти вдвое, снесен был за ненадобностью окружавший слободу бревенчатый тын, на месте сгоревшего деревянного храма выстроили в 1824 году каменную церковь во имя Казанской богоматери.

Еще до поездки в Бердскую станицу Даль говорил Пушкину о живших там старухах, современницах Пугачевского восстания, которые помнили события той поры и рассказывали о них. Каких из этих «бердинских старух» могли застать Пушкин и Даль? Сохранившаяся в Оренбургском архиве книга ревизских сказок населения Бердской станицы по VIII ревизии, проводившейся 12 апреля 1834 года, указывает на нескольких старых казачек, которые в дни своей молодости были очевидцами

** Одним из них был Константин Демьянович Артюхов, инженер-капитан, директор Оренбургского кадетского корпуса, другим — кто-то из адъютантов губернатора В. А. Перовского (либо гвардии капитан Никита Макарович Калустов, либо надворный советник камер-юнкер Николай Николаевич Дурасов, либо гвардии ротмистр Сергей Гаврилович Чиляев; последнего Пушкин знал по встрече в Закавказье летом 1829 г.

восстания и видели самого Пугачева. В их числе — Наталья Козлова (78 лет), Авдотья Воробьева (75 лет), Агафья Ситникова (73 года), Василиса Строганова (73 года). Была среди них и 100-летняя Анна Кононова, которой в дни восстания исполнилось сорок [36].

Но в книге ревизских сказок оказался и существенный пробел.

Даль вспоминал, что когда он с Пушкиным и другими попутчиками приехали в Бердскую станицу, «пора была рабочая, казаков ни души не было дома, но мы отыскали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро». Вспоминая встречу с этой старухой, поэт писал жене: «В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я une bone fortune * — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал...» (IX, 83). Записанные со слов старой женщины воспоминания о Пугачеве и его времени Пушкин отметил ремарками: «Старуха в Берде», «В Берде от старухи» (IX, 496, 497).

Свидетельства о встречах с нею приводятся также в письмах Е. З. Ворониной [37], в дневнике К. А. Буха [38], в мемуарной заметке А. И. Макшеева [39], но и из них никто не назвал имени бердской собеседницы Пушкина.

Фамилию ее впервые установил оренбургский краевед С. Н. Севастьянов, посетивший Бердскую станицу в 1899 году. Он встретился там с казачкой Акулиной Тимофеевной Блиновой, очевидицей пребывания поэта в Бердской станице. Блинова рассказала, что с Пушкиным в тот памятный день беседовала (и пела ему песни) бердская казачка Бунтова, старушка лет за шестьдесят; ее имени и отчества она не могла вспомнить [40].

Этими скупыми данными и исчерпывались до недавнего времени сведения о пушкинской собеседнице Бунтовой.

Но вот в последние годы стали известны новые материалы для биографии Бунтовой, открытые краеведом С. А. Поповым в фондах Государственного архива Оренбургской области. В делах губернской казенной палаты, среди материалов VII ревизии, Сергей Александрович в 1965 году обнаружил книгу ревизских сказок на-

---

* Большой успех.

селения Бердской станицы по состоянию на октябрь 1816 года. Среди других жителей там значилась «вдова Ирина Афанасьева дочь, по мужу Бунтова, 55 лет», с 18-летней дочерью Натальей и 14-летним сыном Иваном [41].

Ревизские сказки впервые указали и полное имя Бунтовой, и ее возраст. По всему выходило, что родилась она около 1760 года и при Пугачеве была 13-летней девочкой — отроческий возраст, впечатления которого сохраняют свежесть на всю жизнь. В 1833 году, при встрече с Пушкиным, Бунтовой исполнилось 73 года, но, по свидетельствам знавших ее, она хранила живую память о Пугачеве. Именно под впечатлением бесед с Бунтовой и другими современниками Пугачевского восстания в Приуралье и Поволжье Пушкин писал, что имя Пугачева «гремит еще» в этих краях и «народ живо еще помнит» ту пору, «которую — так выразительно — прозвал он пугачевщиною» (IX, 81).

12 апреля 1834 года в Бердской станице проходила VIII ревизия населения. В книге ревизских сказок учтен «Иван Степанов Бунтов, в службе в Оренбургском казачьем полку с 1825 года» [42]. По отчеству сына видно, что мужа Ирины Афанасьевны Бунтовой звали Степаном. А вот она сама по каким-то причинам в записи оказалась не упомянутой. Это дало С. А. Попову повод предположить, что, возможно, Бунтова умерла вскоре после сентября 1833 года, а потому в ревизские сказки 1834 года и не попала. Однако ее не оказалось и среди умерших, учтенных в метрической книге «Бердской подгородной слободы Богородицкой церкви» за 1833 и 1834 годы.

Да ведь она и не могла быть записанной в числе умерших, ибо жила и здравствовала еще много лет! 8 июля 1835 года видел ее заехавший в Бердскую слободу из Оренбурга инженер-прапорщик К. А. Бух. Служивший здесь в 1847—1853 годах А. И. Макшеев писал, что он в 1848 году посетил Берды, где застал еще в живых девяностолетнюю современницу Пугачева, ту самую казачку, к которой «ездил А. С. Пушкин в бытность свою в Оренбурге, когда собирал материалы для истории Пугачевского бунта и расспрашивал ее о Пугачеве».

При Макшееве она была ветхой старушкой, забывшей уже многое из далеких пугачевских времен. Но са-

мого Пугачева помнила еще отчетливо, и на вопрос — каков он был — отвечала, по-прежнему называя его царем: «Молодец был батюшка-государь Петр Федорович!»

Макшеев оказался последним из заезжих, которые спрашивали И. А. Бунтову о Пугачеве. Вскоре она скончалась. Точную дату ее смерти установил в 1976 году тот же неутомимый С. А. Попов. Просматривая метрическую книгу церкви Казанской богородицы, он обнаружил запись о том, что 4 июля 1848 года умерла «Бердской станицы вдова, казачья жена Ирина Афанасьевна Бунтова, 96 лет, холерою»[43]. В этой записи верна лишь точно указанная дата смерти. Что касается возраста, то он завышен лет на восемь.

Бунтова намного пережила своего знаменитого собеседника — Пушкина...

Небезынтересны биографические сведения об отце Бунтовой и ее муже. Из ее рассказов Пушкину и Ворониной видно, что она в девичестве была казачкой Нижнеозерной крепости, где-то в 1780-х годах вышла замуж за казака Бердской слободы Степана Бунтова, у них родилось шестеро детей, из которых четверо умерли в младенчестве. Сам Степан Бунтов, согласно записи в метрической книге Георгиевской церкви, скончался 25 января 1813 года, в возрасте 60 лет[44], следовательно, родился в 1753-м и, будучи в 1773—1774 годах молодым 20-летним казаком, являлся очевидцем событий Пугачевского восстания, в том числе тех из них, которые происходили в Бердской слободе, где в течение пяти месяцев располагалась ставка Пугачева и главная квартира его войска. Воспоминания Степана во многом послужили для его жены источниками рассказов о событиях в Бердской слободе при Пугачеве.

Род Бунтовых восходил, как свидетельствуют архивные документы, к яицким казакам времен Петра I, а позднее — к первопоселенцам Бердской слободы, основанной как крепость в 1737 году. В одной из сенатских книг ЦГАДА содержится «перепись Бердской крепости атаману, старшинам и казакам, и их женам и детям.— майя... дня 1740 году», где значится рядовой казак «Петр Андреев сын Бунтов, тридцати шести лет, Яицко-

го городка казачий сын, и с того городка записался в Бердскую крепость в казаки тому три года; у него жена Марфа Степанова тритцати лет, Яицкого городка казачья дочь, ис того городка сошла с мужем своим обще, при них дети: Никифор четырнадцати,— Дмитрий десяти,— Агафья пяти лет, Авдотья году»[45]. Все они были старшей родней Степана Бунтова и родственниками Ирины Афанасьевны Бунтовой по мужу.

Беседуя с приехавшими 25 ноября 1833 года в Бердскую слободу самарскими дворянами Шелашниковыми и Ворониной, Бунтова сказала о себе, что она дочь казака Нижнеозерной крепости, где и жила в дни Пугачевского восстания, что отец ее служил в отрядах Пугачева под Оренбургом, начальствуя казачьей командой. Он-то и рассказал ей о многих событиях того времени — в частности, о расстреле вдовы коменданта той крепости Е. Г. Харловой и ее малолетнего брата[46].

Совокупность трех несомненных фактов — отца Бунтовой звали, судя по ее отчеству, Афанасием, был он казаком Нижнеозерной крепости и служил у Пугачева — явилась отправным ориентиром в последующем биографическом разыскании.

Ему способствовала находка в архивных материалах Оренбургской секретной комиссии именного списка «Нижнеозерной крепости казакам и разного звания людям», составленного 9 апреля 1774 года в походной канцелярии генерал-майора П. Д. Мансурова. В списке учтено все мужское население — 143 человека — как находившееся в момент переписи в крепости, так и отсутствовавшее в ней по различным причинам. Лишь два Афанасия внесены в список. Один из них Афанасий Фролов, казачий «малолеток» (до 18 лет) явно не мог быть отцом 13-летней в то время Ирины. Им наверняка был казак Афанасий Бородулин, о котором в списке сказано, что он в момент переписи отсутствовал, так как был в числе 42 казаков-пугачевцев «в злодейской толпе»[47]. Большая их часть весной 1774 года оказалась в плену и содержалась под следствием в Оренбургской секретной комиссии.[48] Афанасия Бородулина там не было. Неизвестно, в каких местах и долго ли еще продолжались его «пугачевские странствия», но, вероятно, осенью того же года он возвратился к семье в Нижнеозерную и возобновил прежнюю службу. Со временем

начальство забыло его «прегрешения». Три года спустя Бородулин имел уже унтер-офицерский казачий чин — служил капралом [49].

Даль вспоминал, что старая казачка указала Пушкину «на Гребени *, где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвесть всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это — простая могила».

Рассказ Бунтовой о пугачевском кладе родственен традиционным и излюбленным в народном творчестве преданиям о знаменитых кладах (Ивана Грозного, атамана Кудеяра, Степана Разина) — всегда преувеличенным, а в подавляющем большинстве и совершенно недостоверным. Столь же сомнительно предание о пугачевском кладе на Гребенях, ибо известно, что Пугачев часть трофейного имущества хранил в Каргалинской слободе в доме своего полковника Мусы Алеева [50], а наиболее ценные вещи (золото, драгоценные камни, жемчуга, дорогую одежду и посуду, меха и др.) отсылал на хранение в Яицкий городок, в «дворец» своей жены «императрицы» Устиньи Петровны Кузнецовой [51]; позднее все это было захвачено карателями и передано властям.

Вопреки фактам, рассказ о пугачевском кладе, якобы зарытом на Гребенях, продолжает жить в народных преданиях о Пугачеве [52].

Даль писал, что «старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец». Акулина Тимофеевна Блинова рассказывала в 1899 году, что день той памятной ей встречи был теплым и ясным. Двенадцатилетняя Блинова сидела у дома Бунтовой, нянчившей малых детей. К ним подошли двое господ в штатском, «один высокий **, другой — пониже — курчавый»,— это и был

---

* Гребени — горный отрог в 10—12 верстах от Бердской станицы, к северо-востоку от нее и выше по реке Сакмаре.

** К. Д. Артюхов.

Пушкин. Далее Блинова рассказывала: «у него лицо белое, а губы большие, толстые, да уж очень меня занял ноготь на пальце — длинный-предлинный, у нас таких и не носят». Пушкин спросил Бунтову: «Знает ли она что-либо про Пугачева?» Та ответила, что «все знает про Пугачева и даже песню, что про него сложена». Попросили спеть. «Бунтова спела им одну песню». Приезжие сказали: «Правда, правда, бабушка», а сами «между себя смеются» и снова просят: «А ну-ка еще спой!» Бунтова спела им еще две песни. «Какие слова этих песен, я не упомню, но говорилось про Пугачева, как он воевал, как вешал»,— рассказывала Блинова. Потом она вспомнила, что в одной из песен были слова: «Не умела ты, ворона, ясна сокола поймать». Эта песня высмеивала царского генерала (возможно, В. А. Кара, командира первой карательной экспедиции против восставших), не сумевшего поймать «ясна сокола» — Пугачева.

Посетившая Бердскую станицу 25 ноября 1833 года Воронина писала, что старая казачка (Бунтова) «сказывала... сочиненные в то время песни, и мы записывали их».

Судьба записей, к сожалению, не известна.

В. И. Даль и Е. З. Воронина вспоминали забавную историю, приключившуюся с казачкой после встречи с Пушкиным.

На прощание гость подарил ей червонец. «Мы уехали в город,— писал Даль,— но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому, приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, с именем которого было связано в этом краю столько страшных воспоминаний; но еще менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы-де после не отвечать за такие разговоры, чтобы не дожить до какого греха-напасти. И казаки на другой же день снарядили подводы в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметами: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом: должен быть анти-

христ, потому что вместо ногтей на пальцах когти»*. Пушкин много тому смеялся».

Сама Бунтова рассказывала о том же Ворониной: «Только он со двора, бабы все так на меня и накинулись. Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму засадят за мою болтовню, кто говорит: «Антихриста видела, когти-то у него какие. Да и в писании сказано, что антихрист будет любить старух, заставлять их песни петь и деньгами станет дарить». На другой день, рассказывала Бунтова, явилась она с казаками в Оренбург к начальству: «Смилуйтесь, защитите меня, коли я чего наплела на свою голову, захворала я с думы». А те смеются: «Не бойся,— говорят,— это ему сам государь позволил о Пугачеве везде расспрашивать».

История, приключившаяся с Бунтовой после ее встречи с Пушкиным, отражена и в неопубликованном дневнике К. А. Буха.

Ирина Афанасьевна Бунтова была замечательной хранительницей народной памяти о Крестьянской войне. В ее рассказах Пушкину Пугачев запечатлен как выдающийся предводитель восставших, как человек, отзывчивый к интересам простого народа. «В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали»,— записал с ее слов поэт (IX, 496).

В воспоминаниях Даля упомянуто не многое из того, что рассказывала о Пугачеве старая казачка. Гораздо полнее ее рассказы учтены в рукописях Пушкина, на листах его так называемых «оренбургских записей» и на страницах дорожной записной книжки (IX, 493, 496—497).

Содержание этих рассказов и характер использования их в пушкинских произведениях исследуются в работе Н. В. Измайлова «Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». Эта же тема рассматривается мною в подготовленной к изданию книге «Над «пугачевскими» страницами Пушкина»; там впервые использованы новые архивные документы, дополняющие и корректирующие рассказы Бунтовой. Из этой книги я и приведу здесь раздел, освещающий «разинское» ее предание.

---

* «Пушкин носил ногти необыкновенной длины; это была причуда его» (прим. В. И. Даля).

СТЕПАН РАЗИН — ПУГАЧЕВЕЦ

Со слов Ирины Афанасьевны Бунтовой Пушкин записал краткий — всего в несколько строк — рассказ о старой казачке Разиной, долго искавшей своего сына среди погибших пугачевцев:

«Когда разлился Яик, тела (повстанцев, убитых в сражении 22 марта 1774 г. под Татищевой крепостью.— *Р. О.*) поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибредши к берегу, пригребала пешнею * к себе мимо плывущие трупы, переворачивая их и приговаривая: — Ты ли, Степушка, ты ли, мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет? — Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала» (IX, 497).

Эту картину, с поэтической выразительностью передающую горе матери, оплакивающей пропавшего сына, Пушкин перенес на страницы «Истории Пугачева», придав рассказу художественную завершенность:

«Вскоре настала весенняя оттепель; реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо крепостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужей и сыновей. В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черные кудри свежа вода моет? — И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп» (IX, 51).

К словам «старая казачка» дано лаконичное, без каких-либо комментариев, примечание: «Разина» (IX, 112).

В таком виде текст вошел в рукопись пятой главы «Истории Пугачева».

В середине декабря 1833 года рукопись первых пяти глав была представлена на рассмотрение Николая I и в конце января 1834 года возвращена с замечаниями царя.

Возражение, в частности, вызвал эпизод с казачкой Разиной. Сочетание этой многозначительной фамилии с именем «Степушка» превращало исторического Степана Разина в участника восстания Пугачева [53]. Сближение

---

* Это слово в автографе Пушкина (Отдел рукописей Пушкинского Дома — далее: ПД. ф. 244, оп. 1, инв. № 371, л. 3) написано не вполне отчетливо; составители Большого академического издания прочли и напечатали его ошибочно: «палкою».

имен двух великих мятежников таило в себе не до конца ясное, но явно «подозрительное» намерение Пушкина указать на внутреннюю связь Разинского и Пугачевского восстаний. В эмоциональной окрашенности рассматриваемого эпизода царь не мог не усмотреть поэтизации Степана Разина и других мятежников. А ведь на недопустимость этого он однажды уже указывал Пушкину!

Именно такими соображениями руководствовался, видимо, Николай I, когда, отчеркнув пушкинский текст (всю фразу: «В Озерной старая казачка... тихо отталкивала труп»), написал сбоку, на правом поле рукописи: «Лучше выпустить, ибо связи нет с делом» (IX, 471).

Пушкин, конечно, с мнением «августейшего» цензора не посчитаться не мог. Учитывая, однако, то, что указание Николая I не имело категорически-запретительного характера, поэт, дорожа рассказом, перенес его в примечания, выпустив при этом фамилию «Разина», что вполне «обезвреживало» текст.

В таком виде эпизод был напечатан в прижизненном издании «Истории Пугачева», так он печатался и в последующих собраниях сочинений Пушкина, вплоть до середины тридцатых годов. Только тогда Т. Г. Зенгер-Цявловская, изучив рукопись, цензурованную Николаем I, установила первоначальный текст, а для безымянной (по прежним изданиям) старой казачки ее фамилию «Разина». «Историю Пугачева» стали печатать в том виде, в каком она была написана [54].

Исследователи, обращавшиеся к «разинскому» эпизоду, считали, что упоминаемый в нем Степан Разин — не реальный пугачевец, а всего лишь ассоциативный образ, связующий собою — и в рассказе Бунтовой, и в произведении Пушкина — два великих народных движения. Подтверждения находили в том, что соединение Разина и Пугачева было для автора характерным: в одном из примечаний к десятой главе «Истории Пугачева» он сопоставлял «ужасные успехи» этих предводителей, а также обстоятельства их казни (IX, 148); в записке, отправленной 9 сентября 1834 года к А. И. Тургеневу, поэт писал: «Симбирск в 1671 году устоял противу Стеньки Разина, Пугачева того времени» (IX, 189) [55].

Значит, только образ? Нет, не только.

В декабре 1976 года я получил из Оренбурга письмо от С. А. Попова. Среди прочего он сообщил, что при просмотре в областном архиве огромного фолианта с ревизскими сказками казаков Уральского войска по VIII ревизии ему встретилась запись о 82-летнем отставном казаке Степане Андреевиче Разине, жившем с семьей в Кинделинском форпосте (на берегу Урала, вблизи Илецкого городка)[56]. Попов высказал предположение, что этот казак и есть, видимо, тот самый Степушка Разин из рассказа Бунтовой и «Истории Пугачева», но только не погиб он в пугачевское время, а, прожив после того шестьдесят лет, оказался современником Пушкина.

С доводами Сергея Александровича не согласиться невозможно. Биографические данные о Степане Разине и в рассказе Бунтовой, и в ревизской сказке 1834 года в основном совпадают. В обоих источниках он по происхождению казак с Яика. Полное сходство в имени и фамилии. И по возрасту Степан Андреевич Разин вполне мог участвовать в Пугачевском восстании: в 1774 году был 22-летним казаком.

Находка С. А. Попова поставила рассказ Бунтовой на почву реальных фактов.

Заманчиво, конечно, было бы найти прямые документальные свидетельства о службе Разина в отрядах Пугачева. С этой целью я внимательно обследовал находящиеся в фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) собрания следственных дел о пленных пугачевцах. Нашлись документы и о Степане Разине. Но, к сожалению, оказался он не яицким казаком, а мастеровым Билимбаевского завода под Екатеринбургом. При аресте у него отобрали «злодейский билет» — документ, удостоверяющий факт присяги на верную службу «Петру III». 5 января 1775 года начальник Казанской секретной комиссии генерал-майор П. С. Потемкин предписал: «мастерового Степана Разина за имение злодейского билета наказать батогами», а затем, растолковав ему всю тяжесть его преступления, освободить из-под стражи[57].

Неудачи в розыске данных о пугачевском прошлом Степана Андреевича Разина нисколько, однако, не умалили убежденности в том, что был он участником Пугачевского восстания и реальным персонажем рассказа Бунтовой.

В пушкинской «Истории Пугачева» эпизод со старой казачкой Разиной отнесен к событиям, имевшим место в Нижнеозерной крепости. Исходя из этого, можно было предположить, что Степан Разин являлся казаком именно этой крепости.

Истинность предположения следовало подкрепить документами.

Обратился к именному списку жителей Нижнеозерной, составленному в апреле 1774 года [58].

Но среди 143 казаков, отставных солдат и своекоштных жителей крепости, названных в списке, ни одного человека с фамилией «Разин» не оказалось.

Следовательно, Разины не были жителями Нижнеозерной — ни в то время, ни позднее.

Да ведь и пушкинская запись рассказа Бунтовой не содержит прямого указания на то, что эпизод с казачкой Разиной происходил в Нижнеозерной! Судя по рассказу, событие это случилось в каком-то из селений на Яике и вполне может быть, что в том самом Кинделинском форпосте, где в 1834 году проживал так нас заинтересовавший Степан Андреевич.

С. А. Попов, сообщив мне данные VIII ревизии об означенном Разине, выдвинул любопытную генеалогическую задачу: выяснить, не было ли у предков этого казака какой-либо родственной связи с предводителем Крестьянской войны 1670—1671 годов Степаном Тимофеевичем Разиным.

Приступая к решению этой задачи, я исходил из того, что Разин Степан Андреевич был яицким казаком, а значит, предков его следует искать среди казаков Яицкого войска. Имеющиеся в литературе упоминания о переписи яицких казаков в 1723—1724 годах комиссией полковника И. И. Захарова [59] направили поиски в Центральный государственный военно-исторический архив, в дела Казачьей экспедиции Военной коллегии. Здесь хранятся и две переписные книги.

В одной из них искомые сведения о Разиных нашлись. В числе казаков Шестой сотни был записан рядовой «Микифор Минеев, сын Разин, у него сын Алексей двенадцати лет. А по скаске ево, от роду ему, Никифору, шестьдесят пять лет; дед и отец ево и он родиною Саран-

ского уезду дворцового села Ромодановского казаки; пришел он, Никифор, ис того села на Яик во сто восемьдесят шестом году *, и служит в казаках с того году» [60].

Свидетельство переписной книги требует некоторых пояснений. Прежде всего надо заметить, что он родился в 1658 году и 12-летним подростком был очевидцем Крестьянской войны 1670—1671 годов, охватившей и территорию Саранского уезда [61]. В том уезде находилось родное для Н. М. Разина дворцовое село Ромодановское, известное с начала XVIII века как частновладельческое село Ромоданово (Никольское тож). Сей Разин называл себя выходцем из белопахотных казаков; эта категория служилых людей версталась из крестьян, освобождаемых от платежа податей с двора и пашни, но призванных нести сторожевую службу по охране селений, дорог и засечных линий. В 20-летнем возрасте Никифор бежал на вольный Яик. Яицкое казачье войско процентов на девяносто было сформировано за счет беглых крестьян, посадских людей, стрельцов, казаков Поволжья и центра страны, а также их потомков, ставших казаками во втором-третьем поколениях.

По соседству с материалами комиссии полковника Захарова в архивном фонде находятся дела следственной комиссии поручика Е. И. Кроткова, производившей в 1719 году розыск по доносу на атамана, старшин и казаков Яицкого войска [62]. Комиссия составила именной список казаков. Никифор Минеевич Разин по каким-то причинам в список включен не был (возможно, находился в служебной отлучке). Но зато встретилась тут совершенно поразительная запись: в перечне казаков Шестой сотни упомянут рядовой «Стефан Тимофеев сын Разин» [63]. Еще один яицкий казак Разин, да к тому же и полный тезка предводителя Крестьянской войны. Других биографических данных о нем в списке не сообщается, но обнаружились они в той же книге, в протоколе допроса этого казака [64], где записано, что он, Степан Тимофеев сын Разин, «Саранского уезда села Ромодановского крестьянин, ис того села бежал и пришел на Яик», что он был в отряде яицких казаков, посланном с экспедицией А. И. Бековича-Черкасского в Хиву (1716),

* По летоисчислению от «сотворения мира» (7186); в переводе на современное летоисчисление это соответствует 1677/78 гг.

с того времени «за суетами своими» в церкви не исповедывался и «святых тайн» не сподоблен, но к расколу никогда не приставал, ни в каких изменнических замыслах не участвовал и ничего о них не знает [65].

Само собой напрашивается сопоставление биографий яицких казаков Разиных. Оба из одного села, состояли, видимо, в родстве, в конце 1670-х годов бежали на Яик, где и стали служить рядовыми казаками. Их отдаленным потомком, как думается, является тот Степан, которого знала и о котором рассказала Пушкину бердская казачка Ирина Афанасьевна Бунтова.

Пушкин на пути из Оренбурга в Уральск, проезжая поздно вечером 20 сентября 1833 года через Кинделинский форпост, не знал, что здесь доживает свой век один из персонажей будущей «Истории Пугачева» — ветеран-пугачевец Степан Разин.

«ЗОЛОТЫЕ» ПАЛАТЫ ПУГАЧЕВА

Накануне поездки в Бердскую станицу Даль говорил Пушкину «о бердинских старухах, которые помнят еще «золотые» палаты Пугачева, то есть обитую медною латунью избу».

Среди оренбургских жителей издавна бытовало предание о «золотом дворце» Пугачева. Сообщение об этом было обнародовано в печати известным литератором П. П. Свиньиным. В 1824 году он, будучи чиновником Министерства иностранных дел, посетил Оренбург. С памятными местами города его знакомили местные литераторы А. П. Крюков и П. М. Кудряшов. С их, видимо, слов Свиньин, сам не бывавший в Бердской слободе, писал, что Пугачев имел «свою резиденцию в близлежащем селе Берды, где показывают доселе избу, бывшую дворцом сего разбойника, которую для величия сана своего приказал он обить латунью внутри и снаружи» [66].

Пушкин осмотрел этот дом, и в повести «Капитанская дочка», в XI главе, названной «Мятежная слобода», в рассказе героя повести прапорщика Петра Гринева изобразил «государев дворец» Пугачева так: «Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка... Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу

и широкий шесток, уставленный горшками,— все было как в обыкновенной избе» (VIII, 347). Нетрудно заметить, что это описание составлено по личным наблюдениям; так, вероятно, выглядел этот дом в 1833 году. И лишь одна деталь описания относится к реалиям пугачевского времени — необычная для казачьей избы золотая бумага, коей были оклеены стены. Эта деталь, как будет видно дальше, имеет решающее значение для доказательства факта знакомства Пушкина с убранством дома, служившего резиденцией Пугачева.

Кто же был более точен в указании на примечательную особенность убранства «дворца» Пугачева: Пушкин, писавший об обоях из золотой бумаги, или Свиньин и Даль, сообщавшие об украшении избы обшивкой из латунных листов?

Ближе к истине оказался Пушкин. Более того, его данные полностью подтвердились при обращении к документам, сохранившимся в фондах Центрального государственного архива древних актов. Командир пугачевской «гвардии» (личной охраны) сотник яицких казаков-повстанцев Т. Г. Мясников на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года показал, что после вступления в Бердскую слободу Пугачев «жил в доме берденского жителя Ситникова, так как етот дом был из лутчих, и назывался дворцом государевым... Покой у него был обит вместо обоев шумихою»[67]. Шумихой в разговорном обиходе XVIII—XIX веков называлось сусальное золото — тончайшая бумага (или пленка) золотистого цвета, изготовленная из двусернистого олова. Удалось установить обстоятельства появления шумихи в стане Пугачева. В конце октября 1773 года повстанцы задержали под Орской крепостью бухарский торговый караван и пригнали его в Берду. Среди захваченных товаров (меха, чай, китайское серебро и др.) было до двух десятков ящиков шумихи. Часть ее взяли для оклейки избы Ситникова[68].

Факт осмотра этого дома Пушкиным устанавливается по нескольким источникам. Прежде всего свидетельствует сам Даль: Пушкину «указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец». Любопытно показание А. Т. Блиновой, которая рассказывала С. Н. Севастьянову, что Пушкин попросил Бунтову «показать дом, где жил Пугачев». Та повела их. «Дом этот стоял на Боль-

шой улице, на углу, на красной стороне... Он был на шесть окон. Со двора открывался чудесный вид на Сакмару, озеро и лес. Сакмара подходила совсем близко ко дворам. Курчавый господин похвалил место, говорит — «Прекрасное!»[69]. Наконец, в дорожной записной книжке Пушкина имеется такая запись: «В Берде Пуг(ачев) жил в доме Конст(антина) * Ситникова, причем слово «Константина» написано взамен зачеркнутого «Карпа»[70].

Совсем недавно С. А. Попов, просматривая в Оренбургском архиве книгу ревизских сказок населения Бердской станицы по VIII ревизии, обнаружил запись о 50-летнем Карпе Константиновиче Ситникове[71]. Из записи следует, что Карп был современником Пушкина и, вероятно, очевидцем его приезда в Бердскую слободу.

В ревизской сказке казак записан полным его именем, что дало возможность установить имя отца — Константин. Он-то и был современником Пугачева и в этом именно значении упомянут в записной книжке Пушкина.

Во второй половине XIX века кто-то из потомков Константина Ситникова продал родовое дворовладение со знаменитым домом — пугачевским «золотым дворцом» бердскому казаку Михаилу Дмитриевичу Козлову. А. Т. Блинова, рассказывая С. Н. Севастьянову о встрече с Пушкиным, упомянула, что теперь, в 1899 году, прежнего дома «на шесть окон», стоявшего «на Большой улице на углу, на красной стороне», уже нет[72].

На том месте, на углу современных улиц Восстания (быв. Большой) и Салавата Юлаева (быв. Средней), стоит ныне совсем другой дом: скромная, заурядная изба в три окна по фасаду. Когда именно была она поставлена, точно неизвестно. Можно лишь предположить, что это произошло где-то во второй половине XIX века. Наша современница, 90-летняя Евгения Степановна Бунтова, правнучка И. А. Бунтовой, собеседницы Пушкина, не помнит старого дома Ситниковых, но с детских лет знает стоящий на его месте дом Козловых (ныне принадлежащий Смолиным).

Единственное, что отличает современный дом Смоли-

---

* В изданиях этой записи слово «Константина» дано в неверном прочтении — «Кондратия» (IX, 493).

ных от сотни таких же строений в бывшей слободе,— это стоящая сбоку от него белокирпичная стена с укрепленной на ней мемориальной доской: «На этом месте стоял дом, в котором с ноября 1773 г. по март 1774 г. жил вождь крестьянского восстания Емельян Пугачев». Ниже ее, у подножия стены, установлена пушка пугачевских времен.

Думается, что придет время, когда на этом самом месте будет восстановлен дом Константина Ситникова, а в нем воссоздана обстановка «дворца» Пугачева с вещами того времени и документами, отражающими происходившие здесь события Крестьянской войны. И украсит воссозданный по описаниям XVIII—XIX веков дом доска с более обширной и точной надписью:

«Здесь, в доме бердского казака Константина Егоровича Ситникова, с 4 ноября 1773 по 23 марта 1774 года располагалась ставка предводителя Крестьянской войны Емельяна Ивановича Пугачева.

19 сентября 1833 года этот дом осматривал Александр Сергеевич Пушкин».

* * *

Беседы с Далем и местными старожилами обогатили Пушкина новыми познаниями об осаде Оренбурга Пугачевым и о пребывании его в Бердской слободе. 20 сентября 1833 года поэт отправился в Уральск, намереваясь осмотреть в пути казачьи станицы (бывшие крепости) и побеседовать здесь с престарелыми современниками Крестьянской войны.

В конце февраля 1835 года Пушкин послал В. А. Перовскому записку, а с нею экземпляр «Истории Пугачева». Три других экземпляра книги предназначались В. И. Далю, К. Д. Артюхову («тому охотнику, что вальшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем») [73] и наказному атаману Уральского казачьего войска В. О. Покатилову, в доме которого в Уральске поэт останавливался 21—23 сентября 1833 года.

Записку к Перовскому Пушкин заключил словами: «До свидания, в степях или над Уралом» [74].

Но побывать в тех местах еще раз ему не довелось.

В последний раз Даль встретился с Пушкиным в Петербурге; два дня (28 и 29 января 1837 года) провел он

у постели смертельно раненного на дуэли Александра Сергеевича. В записке «Смерть Пушкина» Даль писал, что не отходил от умирающего «до конца страшных суток», и «в первый раз сказал он мне «ты»,— я отвечал ему тем же, и побратался с ним уже не для здешнего мира».

Как знать, может, в те минуты, когда тяжкие муки от раны на время утихали, поэт, глядя на Даля, вспоминал встречу с ним в Оренбурге, поездку в Бердскую станицу, рассказы о пугачевских временах...